

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн
Рецензия на книгу
Н. Н. Брешко-Брешковского
«Шепот жизни»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548465

Аннотация

«Господин Брешко-Брешковский – писатель, которого никак нельзя назвать начинающим. У него есть своеобразное, но прочно установившееся литературное имя, на него рисуют карикатуры известные художники, фамилия его упоминается в газетных листках «au hasard» среди присутствующих на различных собраниях и юбилеях...»

Александр Иванович Куприн

Рецензия на книгу Н. Н. Брешко-Брешковского «Шепот жизни»

Господин Брешко-Брешковский – писатель, которого никак нельзя назвать начинающим. У него есть своеобразное, но прочно установившееся литературное имя, на него рисуют карикатуры известные художники, фамилия его упоминается в газетных листках «au hasard» среди присутствующих на различных собраниях и юбилеях. Наконец, г. Брешко-Брешковский, судя по двум его последним сборникам, окончательно наметался в том легком, цветистом и шаблонном стиле, который общ для всех много и скоро пишущих беллетристов и о котором будет подробнее сказано ниже. Все это дает нам право, не возлагая на г. Брешко-Брешковского лестных надежд в будущем, отнести к нему, как к писателю совершенно сложившемуся и, так сказать, распустившемуся полным цветом.

Сфера наблюдений этого писателя, по крайней мере, в том сборнике, который сейчас лежит перед нами, очень ограничена: юго-западный край, табачная фабрика, общество ак-

цизных чиновников, грубый заугольный флирт – вот, кажется, и все. Есть правда, в «Шепоте жизни» два рассказа из актерской жизни и один из циркового мирка, но темы их так страшно захватаны и заношены сотнями беллетристов, писавших до г. Брешко-Брешковского и сотнями пишущих одновременно с ним, что об этих рассказах не стоит и говорить. Положим, из самой старенькой, самой истрепанной темы можно сделать прекрасное произведение – все зависит от своеобразного взгляда и нового освещения предметов. Но г. Брешко-Брешковский этого не сделал.

Главный герой рассказов г. Брешко-Брешковского – молодой акцизный надзиратель. Если даже автор и не упоминает кое-где о роде его службы, то читатель все равно подразумевает одно и то же лицо. Через все рассказы проходит этот неотразимый брюнет (ни одного блондина в целом томе!) непременно с «яркими» «чувственными» губами и непременно с «сочным» «бархатным» баритоном. Вот как, например, описывает г. Брешко-Брешковский великолепно-го акцизного надзирателя Гордиенко в романе «Тайна винокуренного завода», причем пользуется для своего описания, как будто мимоходом (какой устарелый и фальшивый прием!), моментом переодевания своего героя:

«Гордиенко вернулся сейчас из подвала, где проверял бочки со спиртом. Он бросил на кровать форменную фуражку, снял рабочую засаленную тужурку, надел светлый пиджа-

чок и широкополую серую шляпу, которая эффектно оттеняла его смуглое лицо с большими добрыми глазами и подстриженной черной бородкой.

Двадцатичетырехлетний молодой человек был высок, плечист и хорошо сложен.

Андрей Гаврилович вел свой род от знаменитого коневого атамана войска запорожского и сподвижника Мазепы – Кости Гордиенко.

Мощной, молодецкой фигурой, умением превосходно стрелять, ездить верхом, Андрей Гаврилович живо напоминает своих предков. Над кроватью, среди различного доставшегося от покойного отца оружия, висел старинный мушкет, из которого когда-то стрелял без промаха своих врагов сам Костя Гордиенко» (стр. 15).

А вот другой «неотразимый» акцизный надзиратель из рассказа «Эпизод из жизни уважаемого человека» (стр.290):

«Отпечаток чего-то изысканно кавалерийского остался навсегда в его невысокой фигуре с выпуклой грудью, тонким станом и длинными стройными ногами. Лицом он походил на Мопассана. Такие же густые, черные волосы оттеняли белый лоб, такой же крутой, смелый размах бровей; красивые усы; также темнела под нижней чувственной губой эспаньолка.

...Он держал лошадь и часто приезжал на фабрику верхом, кокетничал пред Натали своей безукоризненной посадкой. Обыкновенно Броецкий носил штатское (!), когда же

ездил верхом, надевал хорошо сшитую форменную пару.

Нужно ли говорить, что Илиодор Николаевич имел успех у женщин. О победах Броецкого говорили все за исключением его самого. Ценное и весьма редкое *качество мужчин*» (Фраза вдобавок и безграмотная).

В рассказе «А если мимо» фигурирует «хорошо сложенный брюнет с тростью и в светлой шляпе, которая эффектно оттеняет его смуглое лицо». Говорит он и поет «сочным бархатным баритоном» (стр. 322, 323, 324). Герой повести «В заглохшей аллее» – Краснолуцкий – также говорит приятным баритоном и ходит небрежной кавалерийской походкой, обладает широкими плечами и сильными стройными ногами; вдобавок он брюнет с выразительным ртом и деспотическими бровями. Словом, как видите, обстоятельные мужчины из рассказов г. Брешко-Брешковского не блещут разнообразием.

Дам г. Брешко-Брешковский описывает с особенной любовью и притом тоном лошадиного знатока. Прежде всего он обращает внимание на бюст, затем на шею; шея у всех его героинь полная, белая и нежная. Что касается тела, то оно, смотря по обстоятельствам, или бархатное, или, еще чаще, мраморное. Иногда же г. Брешко-Брешковский делится с читателями и более интимными наблюдениями:

«Сухие и слегка волнистые, цвета червонного золота, волосы, упругими волнами обрамлявшие (ну, конечно, обрам-

лявшие: красивое и редкое определение!) бледное лицо, были высоко причесаны. Точеная полная шея поражала нежной белизной, только рыжие женщины обладают таким на диво мраморным телом» и т. д. (стр. 222).

А вот еще одна подробность, свидетельствующая о необычайной наблюдательности автора:

«Двадцатитрехлетняя Натали страдает пороком сердца. Что-то обаятельное таится в женщине с этим загадочным недугом. Горячие сочно-алые губы словно ждут желанных поцелуев» и т. д. (стр. 287).

Что сказать о содержании рассказов г. Брешко-Брешковского? Есть у этого автора одна особенность. Иногда, начиная свое произведение, он как будто задумывается над чем-то интересным и правдивым. Видно, как понемногу намечается у него свежий, незаезженный тип («Приключения Никиты Степановича», старик Ефимович в «Эпизоде из жизни уважаемого человека» и пр.), обрисовывается оригинальное жизненное положение (первые главы в «Тайне винокуренного завода»), и вдруг какой-то неожиданный поворот к трафарету, к общим местам, – и рассказ мигом съезжает на пошлый и, главное, вялый анекдот, на мелодраматический конец во вкусе романов из уличных листков, на серенькую, никого не трогаящую слезливость.

То же самое можно сказать и о художественной отделке

произведений г. Брешко-Брешковского. Попадают у него местами простые и изящные описания природы и несколько удачных деталей, два-три красивые определения, которые хочется считать оригинальными, но все это растворяется, тонет, исчезает в водопаде банальных, напыщенных выражений, шаблонных фраз и словечек, ходячих, готовых затрепанных образов. Рассказывают о каком-то молодом беллетристе, который однажды обратился с озабоченным видом к своему знакомому: «Скажите, пожалуйста, – мне это очень важно знать для моей новой повести, – как это называется, к чему пристает поезд на станции?» – «Платформа?» – спросил знакомый. «Ах, нет, платформа – это я знаю; есть какое-то другое слово, но, можете себе представить, совершенно выскочило из головы». – «Может быть, дебаркадер?» – «Да, да, да, вот, вот, – обрадовался молодой беллетрист, – дебаркадер. Я так именно и думаю начать свою новую повесть: «Поезд, шипя и свистя, медленно и плавно подходил к дебаркадеру». Не правда ли, эффектно?»

Таких эффектных «дебаркадеров» не оберешься в широкой литературе: «Она прижалась пылающим лбом к холодному стеклу, по которому, точно слезы, текли дождевые капли», «Луна лила свой матовый свет на землю, окутывая ее точно серебристым флером», «Она упала к нему на грудь, и уста их слились в долгом, страстном поцелуе». И т. д. и т. д. ... Таких выражений – тысячи. Может быть, было время, когда они считались оригинальными и даже, чего доброго, сме-

лыми. Но они давно уже отслужили свой срок, обратились в стертую, безличную подозрительную монету, и теперь к ним прибегают особенно охотно те молодые беллетристы, которые, идя в сторону наименьшего сопротивления, от лени, от бездарности, от **неуменья** вдумываться в то, что видишь и что пишешь, хватают готовый, хотя бы и подержанный, хотя бы и залежалый материал.

Такими общими местами особенно богата книжка г. Брешко-Брешковского:

«Ядовитый, предательский змей разочарования запал в душу» (37).

«Уютное гнездышко явилось приятной дисгармонией с холодным обликом всего дома» (10).

«Вера Павловна, как ударом хлыста, останавливала его всегда одной и той же фразой» (245).

«— А невеста? — спросила Ира.

— Бедняжка через несколько дней отравилась.

— Что же Вольский?

— Исчез без вести» (20).

«Конец обеда прошел в гробовом молчании» (304). «Полились вновь глубокие, мощные звуки» (324). «Это был бы интересный роман, и оба они медленно, не торопясь, с наслаждением читали бы страницу за страницей» (290). И т. д. и т. д.

К сожалению, размеры обыкновенной рецензии не позво-

ляют нам продолжать эти цитаты. Но, при надобности, их наберется несколько страниц. Добавим к этому, что иногда г. Брешко-Брешковский сильно прихрамывает в стилистическом отношении. Что, например, это за фраза: «И молодой, сильный, – он осматривался, ликующий, радостный»? Кто-то из брюнетов г. Брешко-Брешковского отправил конфеты «с визитной карточкой *близником посыльным Эльви́ре*». Конфеты отправляют (стр. 89) не «посыльным» (которые были бы весьма удивлены такому сюрпризу), а с посыльным. И многое в том же роде, не говоря уже о неумелом, режущем ухо, постоянном смешении времен прошедшего с настоящим в тех местах книги, где автор говорит от себя.

Отметим наконец страсть г. Брешко-Брешковского к иностранным словам, к французскому языку в разговорах, к фамидьярничанью с ныне здравствующими писателями и художниками и к необычайно пышным заглавиям. Что такое, например, «Шепот жизни»? и почему вся книжка озаглавлена «Шепот жизни», а не «Любовь акцизного», не «Под розовым фонарем» или не «Голубая война»? Некоторые рассказы имеют, кроме заглавий, еще и подзаголовки, например, «Силуэт», «Мгновение». Это тоже – напыщенно и смешно.